

Василий Кулагин

Во все стороны света...

Небо разбито на части.
Проще сказать — на куски.
Кот полудымчатой масти
Просится в хату с тоски.
Шлепают гуси по лужам.
Светит случайный фонарь.
Ворон над крышами кружит,
Будто он здесь государь...

Птицы в небе без гама и крика
Увлеченно летят на закат.
Иссушенная в зной повилка
Заползает в просветы оград.
Птичьих тени слегка подлинели,
Раньше срока ушли в никуда.
Переходят твои акварели
В два оттенка: земля и вода...

Упоительно дышишь травой,
Не считаешь счастливых минут.
А вверху над твоей головою
Золотистые ветры поют.
Как же трепетно, Господи Боже,
Как же мил этот сельский пейзаж.
Завтра во поле выйдешь — все то же,
На три века поймает кураж...

Забитые снегом заборы.
Кисейная белая муть.
Задерну оконные шторы,
Чтоб сердцу в зиме не тонуть.
И ходиков ход не нарушив,
Я ночи доверю жилье.
А снег будет снова на душу
Лепить отраженья свое...

Вздрогнет река подо льдом.
Вскрихнет заблудшая птица.
Снова почую нутром,
Что ничего не случится.
Просто уходит зима,
Время тоски улетает.
Просто пора волшебства
Свет на пространство бросает...

Отсиренили пригорки.
Дивный полдень на часах.
Небо будто на подпорках —
Тишина на небесах.
Не кружит шальная птица.
Обмелел песчаный плёс.
Лишь родник живой струится
Все от тех же трех берёз...

Время осени настало —
Листопадная пора.
Лодки дремлют у причала.
Скирд соломы у двора.
Серой пылью потянуло.
Тени бродят у холма.
К окнам трепетно прильнула
Золотая хохлома...

Нынче время благодати,
Время тихого добра.
Очень кстати, очень кстати
Эта светлая пора.
Не скрипят в натуге ветки,
Нет душевной суеты.
И всего на Божьем свете —
Травы, птицы и цветы...

Не услышишь мычания коров.
Не скрипят на крылечках ступени.
Только тени от старых дворов,
От деревьев высокие тени.
Вещий грач не приносит весну.
Стылый полдень в округе таится.
Шалый ветер качает сосну,
В двух других не боясь заблудиться...

Спадет звезда с пустых небес,
И зелень высыпет к рассвету.
И снова окаянный бред
Поспешно явится к поэту.
Уж так вовек заведено,
Что на конце скупого лета
Уходят в строки заодно
И бред, и истина поэта...

Сенокос

И начнется сенокос...
И придет жара шальная.
Раскалится зноем плёс,
От безлюдья изнывая.
Ни прохлад, ни ветерка,
Лишь коротенькие росы
Да свинцовая рука
Намертво вцепилась в косу...

Шёл по дороге Солдат. Вёл под уздцы своего конька.

Солдат как Солдат: ранец за спиной да серебряный рубль в кармане.

Конь как конь: буланой масти, хромает малость.

Куда шёл служивый, откуда и зачем — не знаю. Сколько проехал, сколько прошёл — тоже не знаю. Знаю только: точно ехал, да конь по дороге подкову потерял. Вот Солдат и ведёт теперь его.

Идут человек да конь на весёлый звон. Похоже, кто-то молотом по наковальне стучит. У леса свернули они прямо в чащу: звонкий стук будто откуда слышится.

Поднял Солдат ветки, видит: поляна, телега. Косматый мужик (цыган, должно) по походной наковаленке стучит. Вот только огня, воды, заготовки какой — ничего. Чудно. Но, раз мастер да наковальня есть, стало быть, помочь солдатовой беде можно.

— Здравия желаю, Кузнец, — поздоровался Солдат.

— Будь и ты здоров, — глянув из-под кустистых бровей, отвечает Кузнец.

Солдатик наш замолчал, разглядывая жутковатый вид мастера: лицом страшен, смуглый до черноты, гривастый, глаза — уголья блестящие, искры мечут.

— Конь, что ль, расковался? — продолжает разговор мастер, лукаво улыбнувшись. — Дело привычное: сделаем. Чем платить, служивый, будешь? Не тем ли рублём, что в кармане у тебя лежит?

«Ишь ты, — думает Солдат. — Откуда про рубль-то мой узнал? Видно, впрямь цыган: только он углядит то, что другому не видно». А вслух отвечает:

— За хорошую работу рубля не жалко. Только как же ты, мил человек, подкову-то моему коню изготовишь: ни огня у тебя, ни куска железа? — и рубль протягивает.

— А вот хоть из этого рубля, — посмеивается Кузнец.

Пожал плечами Солдат, прилёг в сторонке головой на ранец, на работу смотреть стал.

Кузнец подбросил монету на ладони, положил на наковальню. Раз опустил молот, два — и поплыл в воздухе чарующий перезвон...

Хочет Солдат лучше рассмотреть, что к чему, — не может: тело будто к земле приросло, голова отяжелела. В глазах — туман, не туман: видно, да не всё.

Кузнец знай себе стучит. Движения у него ловкие, точные. Глаза задорные, лицо неведомым огнём озаряется. Залюбовался Солдат; мастер ему

пригожим казаться стал. Верно ведь, что искусная работа красит человека...

Вдруг, чувствует служивый, кто-то за плечо его трясёт. Открыл глаза, видит косматого Кузнеца над собой.

— Проснись, служивый. Готово. Пора тебе. Да и мне тоже. До развилки вместе поедем, — говорит Кузнец, будто знает, в какую сторону Солдату надо.

Глядит Солдат и удивляется: наковаленка уже в телеге, Кузнецова лошадка впряжена.

Ехали рядом, говорили о

Солдат Ермилу, потом забыл.

Однажды пришлось Солдату с товарищами в бою крепко постараться. Долго потом гнал он врагов на своём буланом коньке. А когда возвращался, позвал его с дороги раненый товарищ:

— Отвези, брат, жене моей и детям... Мне уж не увидеть их... — назвал село, вложил Солдату в руки мешочек и умер.

Схоронил Солдат товарища. Помолчал скорбно. Ох, много тяжкого навиделся он за дол-

дать, из сиротского мешочка выпал. Смотрит он на монету и соображает: вернуть ли? Далеко уже, да и не обидел он вдову деньгами, а солдату серебряный рубль — целое богатство: нечасто в кармане водится.

Подержал Солдат монету в руке да сунул её обратно в карман. Тут же конь под ним споткнулся и захромал. Что за беда? Неужто подкову потерял? Эх, невезение: до лагеря далеко, темнеет, впереди — дремучий лес. Делать нечего. Слез с коня и повёл рядом.

В лесу напали на него разбойники. Неробким был Солдат, да где ему с пятьюдесятью дюжими мужиками справиться! Навалились, связали, в чащу затащили. Коня, сапоги, ранец, рубль вдовый — всё отняли и самого побили так, что едва жив остался.

Долго лежал он под сосной. Потом с великим трудом встал и побрёл дорогу искать. Связанные руки затекли, ссадины на ногах горели, кости ныли. Не много так-то прошёл, на поляну вышел. Огляделся: небо чистое, солнышко светит, птицы щебечут. И заплакал старый вояка: экая подлость! Он привык встречать врага лицом к лицу, никогда не бил, коли правым не был, а эти — пятьдесят против одного! Э-эх, люди... Вдруг, показалось ему, место знакомое. «Когда ж я бывал тут?» — думает. Поднапряг память: «Ну, точно! Как же я мог забыть! Здесь повстречались мы с Кузнецом! Ермила, Ермила, где ты теперь, человек хороший?»

Всё вмиг Солдату понятно стало.

Столько лет берегла его Ермила подкова, серебряная или простая — кто теперь скажет. Для него, Солдата, оказалась она дорожкой золотой и прочнее железной, ведь вложил Кузнец в неё мастерство, душу, заботу, красоту, веру в Солдатову честность и прямоту. А Солдат покрывил душой, поступил честностью за рублик серебряный. Не понял, значит, что доброе имя человеку — самое большое богатство, самая надёжная защита. Не оправдал, стало быть, Ермилу дружбу. Видно, потому нынче и подкова потерялась и беда с солдатом приключилась.

Прошло время. С тех пор, как оправился от беды, Солдат, где бы ни бывал, всюду спрашивал о чудесном Кузнецке. Но никто, нигде и никогда не смог Солдату ответить.

Светлана Голубева

Серебряная подкова

СКАЗКА

малом. Кузнецу Солдат понравился за прямоту, за то, что серебряного рубля не пожалел. Кузнец Солдату — за красивую работу.

У развилки остановились. Говорит Кузнец:

— Ну, теперь мне на эту дорогу надо, тебе — на ту. Звать меня Ермилой. Подкову я сделал тебе не простую. Вложил в неё частицу души. Пока она с тобой — будет моя забота беречь тебя в бою и на привале, в веселье и печали. Дороги у служивых людей такие же длинные и трудные, как у кочевых: может, свидимся где.

— Спасибо, Ермила, за доброе дело и добрые слова. Сердцу они дорожке денег. Век тебя не забуду. Прощай.

С тем и разошлись.

Служил Солдат ещё долго, и служба была ему по плечу. Всё выходило у него лихо да складно: не брали ни штык, ни пуля. Хранила его коня чудесная подкова, а самого — невидимая Ермила забота.

Поначалу часто вспоминал

сиротский мешочек и горько усмехнулся: человек всяк день жизнью рисковал, а про детишек своих помнил. Вон сколько монет накопил: иные — словно только с монетного двора, а больше — потемневшие да истёршиеся. Ссыпал их обратно в латаный мешочек и убрал в карман.

Солдат — человек подневольный; не скоро ему выпало отправиться в то село. Встретила его Женщина. Ни молодая, ни старая: сколько лет — не поймёшь. Трое детишек с ней. Поклонилась она Солдату, выслушала. Только, когда выгреб из кармана ей в передник монеты, задрожали у неё губы, глаза сделались жалостные. Уезжал Солдат с тяжёлым сердцем, думал: «Бедная... Смерть смертью, а и без того, видно, жизнь у них тяжёлая была. Натерпелись...»

Дорога неблизкая: едет Солдат да едет. Полез в карман за табачком, а вытащил — Бог ты мой! — рубль серебряный. Ви-

На прогулке.

Фотоэтиюд Андрея САСИНА.